

Грані. - 1999. - №6(8) листопад – грудень. – С. 51-55.

*Литвинов Виталий – аспирант кафедры российской истории
Днепропетровского государственного университета.*

ЛИТВИНОВ В.В.

ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ БОЛЬШЕВИКАМИ АГРАРНОГО ВОПРОСА И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ.

Гражданская война – это трагедия народа, заключающаяся в самой постановке борющимися силами бескомпромиссного вопроса: жизнь или смерть?

Речь шла не о том, какая из противоборствующих сил будет победителем, а какая побеждённой, а о самом их физическом существовании. Отсюда и особая острота и жестокость борьбы. Трагическими последствиями этой войны стали раскол общества на «своих» и «чужих», обесценивание человеческой жизни, развала народного хозяйства. Независимо от того, кто победил, главной жертвой гражданской войны был народ.

Проблема соотношения сил в гражданской войне не даёт покоя многим поколениям исследователей, особенно в таких многонациональных странах, каким был Советский Союз. За прошедшие десятилетия, казалось бы, всё уже изучено и нет необходимости ворошить прошлое. Но периодически выясняется, что по-прежнему существуют белые пятна, которые по тем или иным причинам остались в стороне от пристального и беспристрастного взгляда учёных. Одним из таких пятен является участие украинцев в гражданской войне на Дальнем Востоке.

Связи Украины и Дальнего Востока уходят своими корнями в XVII столетие, когда выходцы из Малороссии принимали участие в экспедициях В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова и других землепроходцев. Но наиболее интенсивно эти связи возобновились с 1882 – 1883 годов. И на это были свои причины.

Напомним, что существенным недостатком аграрной реформы 1861 г. было сохранение крупных помещичьих латифундий наряду с незначительными

крестьянскими наделами. По данным статистики, до 1913 г. сельскохозяйственное население Украины (в современных границах) составляло 29519700 человек. При общем количестве посевных площадей 28 млн. га (из них зерновые культуры составляли 24,7 млн. га) на душу населения в сельской местности приходилось 0,94 га. Данные расчёты являются средним показателем по всем губерниям Украины. Наиболее бедственное положение было в крестьянских хозяйствах Левобережной Украины (Полтавская, Черниговская и Харьковская губернии), где ещё в 30-х годах XIX века малоземельное крестьянское хозяйство. Кроме того, в данном регионе не было развитой промышленности, позволившей бы безземельному крестьянству найти надёжные источники существования, поэтому с 1883 г. выходцы именно из этого региона, совместно с выходцами из Киевской и Подольской губерний, составляли большинство переселенцев – украинцев на Дальнем Востоке.

Всего же с 1882 по 1916 годы в Приамурское генерал-губернаторство прибыло 422954 человека, из них с территории Украины – 245426 человек, что составило 58,03% от общего количества переселенцев. Что же касается дальнейшего местожительства, то переселившиеся в Приамурское генерал-губернаторство, как правило, там и оседали. Так, с 1906 по 1917 гг. было зафиксировано лишь 13039 выехавших из Амурской области [1; 139-154].

Если говорить о причинах, заставлявших переселенцев возвращаться, то одна из них – слабая финансовая обеспеченность. Официальные источники показывают: для обзаведения хозяйством на новом месте переселенец должен был иметь минимум 715 рублей. Между тем из 402 переселенческих семей, осевших в Приморье в 1911 г., только 21 семья располагала суммой от 500 до 1000 рублей, 65 семей не располагали никакими средствами, а 211 – имели только от 50 до 200 рублей. Из 5643 новосёлов, поселившихся в Приамурском генерал-губернаторстве в данный период, 2357 не имели до переселения лошадей, по одной лошади было у 1324 переселенцев. Из 6042 новосёлов совсем без денег прибыло 1346, привезли до 25 рублей 770 и от 25 до 100 рублей – 1359 переселенцев [1; 135-136].

Относительно обеспеченные финансами переселенцы активно занимались созданием хозяйства на новом месте. Для остальных же наступала пора разочарования. Приехав на новое место, они увидели, что лучшие земли оказались уже заняты сибирскими староверами, которые подняли по сто десятин и более. Вместо ожидаемого жирного чернозёма переселенцы нашли лишь тонкий пласт перегноя, который был выпахан в первые же годы и, из-за нерадивого ведения хозяйства, родившего только сорные травы. Те, кто рассчитывал найти на новом месте баснословные покосы, нашли лишь мокрый кочкарник, который был покрыт резучкой и кислыми злаками. Кроме того, неожиданную угрозу для них несла вода: разливы рек и муссонные дожди каждый год сносили в море плоды тяжёлого труда землепроходцев. И даже гнус, который доводил до бешенства людей и животных, не говоря уже о диких зверях, ревавших по ночам у самых землянок, и тайга в её буйном великолепном цветении, как хищный враг, как вор, противостоявшая людям – всё это убеждало вновь прибывших, что это не райские земли. Столкнувшись с непривычными в Европейской России трудностями, вновь прибывшие начинали искать виноватых в своих нынешних бедах. По их мнению, виноваты были все: и правительство, разрешившее им переселиться, и первые переселенцы – стодесятинники и коренное население, только не они сами, растратившие в дороге подъёмные деньги, и прибывшие на новое место с пустыми руками. Эти «обиженные» судьбой новосёлы видели выход, который был удивительно прост и категоричен: «Выселить всех инородцев! Тут и самим-то земли не хватает!»

Подобная ситуация сложилась в этот период в Средней и Центральной Азии, когда вновь прибывшие переселенцы из европейской России спровоцировали вооружённое восстание коренного населения в 1916 году. В ходе восстания было убито 2325 европейцев и 1384 человека пропали без вести, 10 тысяч хозяйств было разорено, 2315 – сожжено. Как объясняли очевидцы, восстание приняло не столько религиозный, сколько русофобский характер [5; 23].

Развитию событий по туркестано-казахстанскому варианту помешало наличие в регионе большого числа регулярных войск. Амурское казачество имело под ружьём тогда 3,5 тысячи человек, Уссурийское 2,5 тысячи. Перед первой мировой войной в Приамурском военном округе было 6 стрелковых дивизий (1-я, 2-я, 3-я, 6-я, 9-я, 10-я). Весной 1917 г. в одном только Владивостокском гарнизоне насчитывалось до 46 тысяч человек. В составе Приамурского военного округа находилось 4 крепостных артиллерийских полка, 22 ополченческие дружины, 6 артиллерийских батарей, экипажи Амурской и Сибирской военных флотилий, 14 запасных сотен Амурского и Уссурийского казачьих войск. Всего – около 80000 военнослужащих [4; 14-15].

Именно эти переселенцы и разорвали историческую связь традиционного русского освоения новых земель, основанную на дружбе и сотрудничестве с коренным населением. Как не прискорбно это признать, но не малый вклад в это внесли именно украинцы по приведённым выше причинам.

Вот в такую почву попали известия в начале об отречении царя, а через несколько месяцев – и об Октябрьской революции в Петрограде. Чтобы привлечь на свою сторону дальневосточных крестьян, Владивостокский Совет принял решение об оказании помощи в проведении новых выборов в волостные комитеты Советов и земельные комитеты. Желание было благое, но результаты привели к трагедии в регионе.

Прежде чем охарактеризовать, как проводили выборы и к чему они привели, следует иметь в виду, что сибирская деревня вообще, и дальневосточная в частности, сильно отличались от деревень и сёл европейской части страны в первую очередь тем, что крестьяне были не только хорошо вооружены, но и умели обращаться с оружием. Большинство из них имели на вооружении ружья системы Бердана. Берданка целых 25 лет верно служила русской армии. Это было неплохое оружие с откидным скользящим затвором. Добавьте к этому оружие, которое приносили домой демобилизованные солдаты старой армии: по решению военной секции Благовещенского Совета, каждый демобилизованный солдат мог унести с собой винтовку и 120

патронов. Аналогичные решения были приняты Советами солдатских депутатов Никольск-Уссурийского, Шкотовского, Владивостокского и других дальневосточных гарнизонов [4; 43]. В результате Дальний Восток в то время был, как говорится, вооружён до зубов. Кроме того, все охотники имели в тайге заимки, о местонахождении которых знали единицы.

События октября 1917 года в дальневосточной деревне и участие в них выходцев из Украины рассмотрим на примере села Зеньковка (Зеньковская волость). На конец 1917 года в нём проживало 500 семей, из которых 60 относились к кулакам, 80 – к бедноте и около 300 семей были середняками. Средняки были не однородны в своей массе. Около 130 из них могли стать союзниками бедноты, 90 – поддерживали кулаков и около 150 – соблюдали нейтралитет [2; 43].

Прибывший в Зеньковку член Владивостокского Совета Морозов провёл агитацию за перевыборы, обещая бедноте (а с заседания были удалены не только кулаки, но и середняки) раздел земли из переселенческого фонда и перераспределение имущества кулаков.

На следующий день состоялись выборы, на которых победу одержали сторонники перераспределения собственности. В волостной комитет Совета были избраны фронтовик Стогов, который стал председателем, получив в свою поддержку 450 голосов (за прежнего председателя Потугина проголосовало 270 человек), Микола и Пелагея Маеры, Анастасия Новосёлова, Кралығы, Телегин и Семён Ярыгин. Во вновь избранный земельный комитет вошли Жагулин, Кулига и Яков Пронин и учительница Екатерина Егоровна.

Не откладывая дело в долгий ящик, земельный комитет приступил к конфискации имущества. Так, у Егора Самохватова отрезали 733 десятины земли и увели 13 рабочих лошадей (оставив 20 десятин, двух рабочих лошадей и жеребёнка), а также изъяли 18 телег, 8 плугов, конную молотилку, все сеялки грабли и веялку. Трофим Елагин лишился 200 десятин и 7 лошадей. У Потугина экспроприировали 180 десятин земли, а его самого вместе с тремя братьями (из

которых двое были фронтовиками) за отказ подписывать данный акт посадили в «холодную» [2; 51-52].

Сейчас трудно представить, что значит вырастить коня в Приамурье, где никогда не было конских заводов. Лошадей приводили своим ходом из Томска, через многие тысячи вёрст бездорожья.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже через несколько дней сгорела школа вместе с учительницей и сторожем; бесследно исчез Яков Прошин, Микола Маер вышел из комитета, благодаря чему остался жив, а его жена Пелагея, оставшаяся в комитете, была убита.

В ответ на это комитет провёл аресты Потугина, Самохватова, прапорщика Дудина. Но ночью арестованные были освобождены. В перестрелке погибли сторонники новой власти Зубин, Якимов, Славин, а противники новой власти потеряли одного из братьев Потугина и Гришина, остальные ушли в тайгу [2; 35].

Подобная картина была во всём Приморье. По тому же сценарию, например, прошли выборы в деревне Знаменка Иманского уезда, где на 1 января 1912 года проживало 208 жителей. Вместо стодесятинника Дорофея Клягина Совет возглавил кузнец Николай Свинягин. Был избран и новый земельный комитет. Началось перераспределение собственности. Так, у того же Дорофея Клягина отрезали 500 десятин и отобрали 28 лошадей, оставив 25 десятин и 3 лошади. У других стодесятинников уводили по 80 лошадей [2; 48]. Вскоре был убит председатель земельного комитета Николай Барыкин, и два члена комитета были ранены. Мельник Кокин, у которого была конфискована мельница, сжёг амбар казначея комитета Михайлы Рябого. Одновременно в «разборках» погибли старики Лепин и Морзулка, фронтовик Телегин [2; 49].

Не остались в стороне от этих событий амурские и уссурийские казаки. Хотя первые владели 5,8 млн. десятин земли (6,4 млн. га) на 47637 человек (6886 хозяйств в 120 поселениях), использовалось из них только 0,74 млн. десятин (0,81 млн. га). При перераспределении собственности между казаками

земельный надел на душу составлял 33 десятин всех земель войска (14,8 десятин пахотной земли) [6; 408].

Уссурийское казачье войско состояло из 34 тысяч казаков (4784 хозяйств), проживавших в 6 станицах и 76 посёлках. Всего же на землях казачьего войска проживало 39,9 тысяч человек. Казаки имели 9 млн. десятин земли, из которых лишь 674 тыс. га были пригодными для земледелия. При перераспределении земли и уравнивании иногородних в правах с казаками душевой надел составил 17 десятин [6; 408].

Заметим, что крестьяне-стодесятичники в Амурской области отнеслись к перераспределению земли не так болезненно, как в Приморье. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что основной статьёй их дохода были промыслы. Несмотря на высокие урожаи овощей и зерновых, хлеб, муку и просо было выгоднее закупать в Манчжурии, где благодаря более мягкому климату их себестоимость была значительно ниже, а значит, и стоили они намного дешевле. В свою очередь, амурские крестьяне поставляли в Китай кету и пушнину, поскольку более целенаправленно и плодотворно они занимались как раз охотой и рыболовством [7; 382]. Кроме того, было выгодно брать подряды от почтового ведомства на доставку почты зимой по Амуру (один подряд стоил 750 рублей). Следующей статьёй дохода была торговля – скупка пушнины в стойбищах гольдов и заготовка дров для пароходов. Крепкие хозяева из предприимчивых крестьян делали целые состояния на таких промыслах, используя в качестве рабочей силы своих непредприимчивых соседей [7; 388]. Однако и они ответили выстрелами и поджогами на конфискацию и перераспределение своего движимого и недвижимого имущества. Поэтому можно сделать вывод, что большевики, используя в своих целях старую мечту крестьянина: «быть хозяином на земле; чтобы земля была хорошей и её было бы много и досталась бы она легко и быстро» (по указанным выше причинам большинство таких крестьян составляли именно выходцы из Украины), спровоцировали начало гражданской войны на Дальнем Востоке задолго до выступления атамана Забайкальского казачьего войска

есаула Г.М. Семёнова (декабрь 1917 года) и атамана Амурского казачьего войска И.М. Гамова, эсера, бывшего члена Государственной Думы (февраль-март 1918 года) [3; 77].

Не найдя точек соприкосновения с новой властью, крестьяне-стодесятинники (вся вина которых была лишь в том, что по Указу от 26 января 1882 года получили льготы, как вновь переселившиеся, на временное освобождение от повинностей и на право поднять на свои средства сто десятин земли) вместе с середняками примкнули к лагерю контрреволюции, сосредоточенному в Амурской области и состоявшему из золотопромышленников, пароходовладельцев, лесопромышленников и купцов (особенно в Благовещенске). Несмотря на то, что Амурское и Уссурийское казачества, будучи самыми молодыми в Российской империи, не успели так запятнать себя карательно-усмирительными акциями, как, например Донское казачье войско, и будучи более социально однородными, они, как и всё казачество России, в первые годы советской власти временно сохраняли нейтралитет, оставив атаманов, отделы и станицы (как военные организации), хотя значительная часть казаков-стодесятинников, сдававшие большую часть своей земли в аренду корейцам и китайцам, были настроены контрреволюционно [3; 77].

Сегодня мы все считаем себя гуманистами, и никто не хочет крови, а она льётся и льётся, мы все за гражданский мир, а он рушится и рушится то там, то здесь. Поэтому мы должны не забывать уроков истории и помнить, что, желая получить экономическую самостоятельность и стать хозяевами на земле, именно украинцы вольно или невольно способствовали развёртыванию гражданской войны на Дальнем Востоке, которая началась раньше (осенью 1917 г.), чем в центральных губерниях, а закончилась лишь в 1922 году. На два года позже, чем в остальных регионах.

Примечания:

1. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917). Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985.

2. Никифоров П.М. Октябрь в Приморье. Владивосток, 1968.
3. Губельман М.И. Борьба за советский Дальний Восток. 1918–1922. М., 1958.
4. Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке) М.: Мысль, 1986.
5. Булдаков В. Имперские этнофобии // Родина, - 1995 № 7, с.20-24.
6. Флеров В.С., Чернышова В.И. За власть Советов // Амур – река подвигов. Художественно-документальные повествования о приамурской земле, её первопроходцах, защитниках и преобразователях. Хабаровск, 1970. с. 407-423.
7. Максимов С. «Кому мать, кому мачеха» // Амур – река подвигов. Художественно-документальные повествования о приамурской земле, её первопроходцах, защитниках и преобразователях. Хабаровск, 1970. с. 367-388.